

Династия Великая Янь

Деревня Большого Ковша

Глава 4. Киноварь

В тесной спальне раздался отчаянный, почти истерический крик Ли Сяосяо. Срывая голос, он заорал во всю глотку, пытаясь объяснить:

— Да я просто задумался, а тут эта тварь прямо к лицу лезет! Ну я её сдуру цапнул и зубами перекусил! Живьём! А как в себя пришёл, глянул на эти окровавленные куски в руках — меня чуть наизнанку от омерзения не вывернуло! Побежал сломя голову воду искать, чтобы пасть ополоснуть. А как до кустов добрался, так в глазах и потемнело! У-у-у... Отец, матушка, братья, да от страха я чувств лишился, от страха! Никто меня не обижал!

Выложив всё начистоту, Сяосяо густо покраснел до самых кончиков ушей и с головой зарылся в одеяло.

«Вот же зараза! — мысленно взвыл он. — Ну всё, теперь мне точно ходу на улицу нет. Позорище-то какое! Матушка пресвятая, теперь ведь вся Деревня Большого Ковша только и будет трепать, как Ли Сяосяо живую змеюку сожрал!»

В комнате повисла мёртвая тишина, нарушаемая лишь глухим стуком — это у застывших домочадцев разом выпали из рук их импровизированные орудия возмездия. Пресветлые боги, ну и силён же их Сяо Ци! Это ж надо — витать в облаках и умудриться мимоходом, голыми руками сцапать гадину, да ещё и перегрызть её пополам...

— Кхм... Сяо Ци, сынок, ты, чай, проголодался? — Старина Ли, глядя на копошащийся под одеялом живой ком, растерялся и совершенно не представлял, как теперь утешать чадо. — Мы это... с матушкой твоей пойдём на кухню, обед разогреем.

Уцепившись за этот благовидный предлог, старик поспешно увлёк за собой из комнаты притихшего от изумления Ши-ши, спасая его и себя от неловкости.

«Ох, беда... — вздыхал про себя старик, шагая по двору. — Слишком уж у нас Сяо Ци боевой. Ладно бы парень рос, так ведь гзер! Слава богам, хоть со сватовством в прошлом месяце успели. Впрочем, если подумать, этот Цзюнь Далан, который в нашего малого зубами вцепился и ни в какую отступаться не желал, тоже, видать, парень не промах. Своего не упустит».

— Да-да, Сяо Ци! — подал голос переминающийся у порога Ли Даосэнь. Он замялся, лихорадочно соображая, как бы поскорее унести ноги. — Ты вон как ослаб, пока без чувств лежал. Пойду-ка я велю Цяо-ши зарезать жирную курицу. Сварим бульон, силы восстановишь!

Видя, как шустро ретировались родители, Ли Даосэнь скрепя сердце решил пожертвовать несущей, лишь бы получить повод улигнуть. Впрочем, отец настолько души не чаял в младшем, что добрая часть курятника и так содержалась исключительно ради Сяо Ци. Если бы старик узнал, что старший сын зажал птицу для больного брата, несдобровать бы тому. А так сам вызвался — и отцу радость, и долг выполнен.

«И всё-таки, — подумал Ли Даосэнь, утирая холодный пот, — какое счастье, что мой гээр не такой отчаянный. Сяо Ци-то у нас ураган, а не дитя. Я бы с такой грозой точно не сдюжил».

Едва дверь за старшим закрылась, у постели вырос Ли Даосэнь.

— Ну ты даёшь, мелкий! — хохотнул он, бесцеремонно тыча пальцем в копошащееся одеяло. — Живую змею сжевать — это ж надо додуматься! Ну-ка, вылезай, поведай шестому брату, что за зверь тебе попался? Не дай боги ядовитая тварь была, тут шутки плохи.

Шестой брат уходить не спешил: как-никак, он был лекарем, и ему требовалось осмотреть больного, чтобы составить рецепт. Если Сяо Ци действительно цапнул ядовитую гадину, последствия могли оказаться куда серьёзнее обычного испуга.

Уткнувшись носом в подушку, Ли Сяосяо изо всех сил пытался выкинуть из головы этот позорный разговор. Да разве он сам хотел прослыть безумным пожирателем змей? Всё дело было в пробуждении памяти. До того как воспоминания о прошлой жизни окончательно улеглись в голове, его разум пребывал в глухой блокаде из-за колоссального объёма информации. Из-за этого постоянного перегруза Сяосяо с самого детства рос немного придурковатым и медлительным. К тому же в прошлой жизни Ли Сяо горя не знал и трудностей не видывал. Вот и вышло, что в этом теле Ли Сяосяо, хоть и обладал недюжинной силой — с малых лет мог потягаться с любым деревенским здоровяком, — рос на редкость изнеженным. Чуть что — капризничал, уваливал от тяжёлой работы, обожал вкусно поесть и виртуозно ластился к старшим. Словом, уродился сильным, но капризным и прожорливым баловнем судьбы. Хотя, если подумать, не будь он таким подлизой, старина Ли и Ши-ши вряд ли бы так над ним тряслись. Но стоп, куда его понесло? Тоже мне, нашёл чем гордиться — умением ластиться! Надо вернуться к делу.

Покопавшись в памяти, Сяосяо с удивлением осознал, что за несколько дней до обморока ходил словно в тумане. Большую часть поступков он совершал неосознанно, подчиняясь чистым инстинктам. Скорее всего, этот туман как раз и предвещал падение ментальных барьеров прошлой жизни. И вот, когда перед его лицом замаячила змея, пробудившийся инстинкт сработал безотказно: раз змей он никогда не боялся, то затуманенный разум выдал единственное решение — поймать и съесть. Да и как тут забыть ту несостоявшуюся змеиную похлёбку, которую ему обещали в тринадцать лет? Память у Сяосяо на вкусную еду всегда была отменной. Тогда из-за внезапного обморока Цяо-ши знатное угощение сорвалось, оставив в душе малолетнего обжоры глубокую, незаживающую рану. Мечта отведать змеятины крепла в нём с каждым годом. Так что при встрече с пресмыкающимся не повезло обоим: змея безвременно почил, а Сяосяо от омерзения лишился чувств, зато вернул себе память о прошлом.

«Ну и ладно, — подумал он, примиряясь с действительностью. — Своё мы оба получили, так что к чему теперь горевать».

— Шестой брат, а это точно лекарство? Что за кислятина болотная? — Сяося с опаской понюхал чёрное варево в пиале и жалобно сморщился под строгим взглядом Ли Цаосэня.

Надо сказать, что в обеих жизнях Сяося обладал отменным здоровьем и горьких микстур отродясь не пробовал. В бытность свою Ли Сяо он, даже подхватив простуду, глотал аккуратные сладкие таблетки в глазури. А то, что притащил брат, доверия не внушало совершенно: мало того что жижа отливала дёгтем, так ещё и несла чем-то протухшим. От одного запаха к горлу подкатывала тошнота.

— Хорошее лекарство сладким не бывает! — отрезал Ли Цаосэнь. Как истинный целитель, он терпеть не мог капризных больных. — Пей живей, пока не остыло, а то вся целебная сила улетучится.

Проворчав это, он подождал пару мгновений, но, видя, что упрямый мальчишка по-прежнему со скорбной миной разглядывает дно пиалы, решительно засучил рукава. Одним движением отобрав у Сяо Ци чашу, он бесцеремонно влил горькое снадобье ему прямо в горло.

— Кха! Пха-пха! Ну и гадость! — Сяося закашлялся, отплёвываясь. Выплюнуть целебное варево под тяжёлым взглядом брата он не решился, со слезами на глазах сглотнув последние капли. — Шестой брат, ты чего туда намешал-то?

Уж слишком подозрительным казался этот вкус. Вдруг брат выписал ему какое-нибудь экзотическое снадобье вроде еминша, которая на поверку оказывалась обыкновенным помётом летучих мышей?

— Обычный успокаивающий отвар, душу да мысли в порядок привести, — забирая пустую посуду, Ли Цаосэнь придирчиво осмотрел её и, убедившись, что всё выпито до капли, довольно потрепал младшего по вихрам. — Ты же сам жаловался, что в голове туман стоял перед тем, как брякнуться. Вот и лечись.

Убирая чашу в лекарственный сундучок, он добавил:

— Названия трав тебе всё равно ничего не скажут. Принимать будешь два дня, по две чаши в сутки. Без уклонения!

— Что?! Успокаивающий отвар?! — Сяося даже забыл поторговаться насчёт оставшихся доз, стоило ему услышать название. Он испуганно вытаращился на брата. — Шестой брат, постой! Ты ведь не добавил туда киноварь?!

В его представлении подобные отвары прочно ассоциировались с тяжёлым отравлением

ртутью. Неужели эта порция станет для него последней?

Уже закинувший ремень сундука на плечо Ли Цаосэнь замер у двери и с удивлением обернулся. Качнув головой, он насмешливо ткнул в сторону кровати пальцем:

— Ишь ты, грамотей выискался, даже про киноварь прослышал! Расслабься, нет там ничего подобного. Киноварь нынче на вес золота, у твоего брата и меди на неё не наберётся.

Заметив, что Сяо Ци всё ещё недоверчиво хлопает глазами, лекарь снисходительно пояснил:

— К тому же киноварь перед употреблением положено особым образом обрабатывать, дабы яд убрать. Её не варят в отварах, а толкут в порошок или катают пилюли. Так что в твоей чашке чистые травы. А если тебе кто-то лапшу на уши вешал про киноварь в жидких микстурах — гони того знахаря в шею, он либо шарлатан, либо недоучка. Ладно, на этом мой маленький урок окончен. Оставшиеся три дозы успокаивающего отвара, Сяо Ци, ты должен послушно выпить.

<http://bllate.org/book/20616/2122439>